
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

*Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории*

ПАВЛОВСКОЕ И ГАТЧИНСКОЕ УЧИЛИЩА САДОВОДСТВА ДЛЯ ПИТОМЦЕВ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ И СУДЬБЫ ИХ ВОСПИТАННИКОВ (1816–1861)

Императрица Мария Федоровна, патронировавшая воспитательные дома с 1797 по 1828 г., заботилась о профессиональном образовании питомцев. В 1816 г. она решила открыть училище с целью «отвратить недостаток в ученых садовниках, а равно доставить питомцам возможность сделаться полезными обществу и открыть им способ к снисканию себе пропитания»¹. Опекунские советы получили предписание выбрать в Москве и Петербурге по 5 воспитанников, делающих успехи в изучении латыни, немецкого языка и географии, снабдить их всем необходимым «для первоначального обзаведения» и направить в Павловск. Комплект училища, передававшегося под начало городского правления, составлял 12 учеников. На их содержание ежегодно выделялось 4 500 руб. В основу обучения был положен проект садового мастера И. А. Вейнмана. В течение 4 лет учеников полагалось обучать на немецком языке в зимний период геометрии, литературе, истории, теоретической ботанике, терминологии, познаниям о том, как разводить деревья и цветы, а в теплое время – практическим навыкам по выращиванию растений и уходу за фруктовыми деревьями².

Организация училища затянулась. В первый список «назначенных к обучению» вошли 11 воспитанников (10 из Петербурга и 1 из Москвы) и 2 «пансионера Ее величества». В списке павловских учеников в сентябре 1817 г. значилось 13 юношей в возрасте от 15 до 22 лет (преобладали 18–19–летние), и только 3 из них входили в число кандидатов. Пансионеры, в отличие от питомцев, – это сироты известных родителей, которые содержались в доме за счет императрицы. Один из них носил немецкое имя – К. Пфейфер, а другой – Иннокентий Мунгальский – был родом из Кяхты и, вероятно, принадлежал к одному из коренных народов Сибири: был «росту небольшого, смугл», имел «волосы черные, глаза карие»³. 5 воспитанников доставили из Москвы, но один из них вскоре заболел и умер.

Сведений о том, как велось обучение, пока не обнаружено. Известно только, что опекунский совет регулярно переводил деньги на содержание училища. Новые ученики получали шаровары и куртку серого сукна с медными пуговицами, фрак и панталоны зеленого сукна, пикейный жилет, фризтовую шинель, суконную фуражку, рубашки, платки, косынки, по 3 пары чулок, башмаков и сапог. Каждого из них обеспечивали кроватью, сундуком, гребенкой и щеткой⁴.

В 1819 г. Мария Федоровна, неустанно реформировавшая свои учебные и воспитательные заведения, внесла изменения и в обучение садоводству. В ее указе говорилось, что в другой загородной резиденции – Гатчине – «имеется более способов к практическому питомцев упражнению в содержании фруктовых деревьев и растений». Императрица хотела расширить училище, сократить расходы, и, видимо, осознала, что четыре года – слишком длительный срок для обучения садовников. Училище перевели в Гатчину. Курс обучения стал двухлетним, после чего выпуск-

ники сдавали экзамен. «Способных к высшей ботанике» полагалось направлять в Павловское ботаническое училище. Штат Гатчинского училища практического садоводства остался прежним – 12 человек, на их содержание отпускалось 1600 руб. в год. Успешно окончившие его, как и павловские ученики, могли получить денежное награждение из процентов с капитала, «для того определенного». В конце года Марии Федоровне полагалось доставлять сведения о воспитанниках, достойных награждения, которое полагалось по штату и частично выдавалось из ее личной казны. Одну часть наградных денег планировалось выдавать наличными, а другую вносить в сохранную казну. Работать с учениками в Гатчине стал садовый мастер иностранного происхождения – Герард или Гергард (Gerhard). В Павловске полагалось обучать 4 учеников, на них отпускалось 2 000 руб. в год⁵.

В Павловском ботаническом училище обучали «начальному основанию садоводства, истории садоводства, истории ботаники, теоретической ботанике, со всеми принадлежащими предметами, практической ботанике, теории садовых произрастаний, практическому садоводству»⁶.

Проблемы возникли сразу. На рубеже 1817–1818 гг. на места четырех неспособных были приняты другие питомцы Петербургского дома. В начале 1819 г. по приказу императрицы Федор Андреев и Петр Иванов «за худое поведение» находились «под штрафом при Петербургском воспитательном доме в черной работе», но позднее были возвращены в Павловск. Еще один ученик, неспособный «к изучению ботаники» и отличавшийся «дурным поведением», не только был наказан определением «в черную работу», но и исключен из училища⁷.

Наконец, в 1821 г. из Павловска в подмастерья «при императорских садах» были выпущены Илья Никитин, Федор Андреев и Андрей Николаев, причем первые двое проучились 5 лет. Мастер Вейнман засвидетельствовал, что они «по части ботаники и садоводства и других наук удостоены в своих познаниях сведущими». В ноябре 1822 г. опекунский совет перечислил в пользу первых выпускников по 300 руб., которые впоследствии предполагалось выдать бывшим воспитанникам. Пока же, в декабре 1822 г., им выдали по 25 руб., которые полагались всем выпускникам воспитательных домов для приписки в сословие. Расписки молодых людей написаны хорошими, уверенными почерками. Весной 1824 г. городское правление потребовало выдачи 300 руб. с процентами А. Николаеву, – он собирался жениться. Через два года А. Николаев, служивший подмастерьем в Павловской оранжерее, уволился «для поступления садовником к г. Кусову», получив оставшийся капитал, – еще 200 руб. с процентами. Это был, вероятно, первый случай найма молодого садовника в помещичий сад. Его товарищ Ф. Андреев вышел «из зависимости Павловска» в 1825 г., а в ноябре 1826 г. обратился за своим капиталом. Он проживал в Петербурге «в Литейной части во втором Спасском переулке в доме купчихи Сафоновой № 508» и вряд ли работал садовником. И. Никитин служил «при Царскосельских оранжереях», обратился за награждением в январе 1827 г., но получить его не успел. В феврале того же года в 31 год он умер от чахотки. Его скромное имущество – одежду, обувь, кровать, табуретку, сундук, три русских и одну французскую книги – продали «с аукционного торга», как это обычно делалось в случае кончины одиноких питомцев. В совет были переданы вырученные 50 руб. 25 коп. Еще один ученик первого набора – И. Мунгальский – «окончил курс учения» только в 1825 г. и вернулся в Кяхту⁸.

В июне 1821 г. решалась проблема размещения «классных воспитанников» Петербургского дома. Три выпускника латинских классов, одобрявшиеся «по способностям и поведению», – Максим Михайлов, Ларион Назаров и Остап Ионин, – изъявили желание «посвятить себя изучению садового искусства». Императрица, имея в виду, что в Павловске «открываются три вакансии», позволила «на сей раз поместить питомцев прямо в сие ботаническое училище, не проходя через Гатчинское

отделение практического садоводства». В декабре 1821 г. в Павловск отправили еще двух воспитанников 3-го латинского класса Петербургского дома — Петра Петрова и Ивана Васильева⁹. Последний летом 1826 г. окончил курс учения и был определен «по ведомству Павловска садовым подмастерьем». Принятого в Павловское училище несколько раньше и также окончившего его в 1825 г. М. Михайлова в конце 1826 г. направили в «ботанический сад, при Московском университете состоящий». Оба молодых садовника, как и все последующие выпускники, получили по 150 руб. с процентами¹⁰.

В феврале 1827 г. в Павловское ботаническое училище, видимо, из Гатчинского, были присланы Александр Михайлов, Андрей Архипов, Михайла Федоров и Иван Александров¹¹. В том же 1827 г. Павловское училище было упразднено¹². Итак, в Павловское ботаническое училище, кроме гатчинских выпускников, принимали тех, кто окончил или заканчивал латинские классы воспитательных домов. Его выпускники становились садовыми подмастерьями.

Программа Гатчинского училища была значительно уже. Помимо общеобразовательных предметов, в число которых обычно входили латинский и немецкий языки, ученики обучались «практическому садоводству»¹³. В 1820-е гг. в училище обычно направляли молодых людей, по разным причинам исключенных из классов Петербургского и Гатчинского воспитательных домов (окончившие классы имели право поступать в университет или Медико-хирургическую академию). Изредка к ним добавляли москвичей. В 1833 г. в училище передали 7 учеников писарской школы при Гатчинском доме¹⁴.

Лентяев и нарушителей дисциплины наказывали, как и других воспитанников домов. В мае 1821 г. Ефима Афанасьева и Михайлу Осипова, которые «при посредственном поведении» не имели «охоты к изучению садоводства, а притом» были «ленивы и непослушны», употребили «в черную работу до исправления» Еще двое учеников — Савелий Сидоров и Гаврила Гордеев — были «ленивы, замечены в дурных поступках и даже в пьянстве». Почетный опекун А. И. Нелидов предлагал отослать их «в военную службу», т. е., сдать в солдаты.

В ответ Мария Федоровна напомнила, что воспитанники, назначенные в черную работу, лишались награждения в 150 руб. от воспитательного дома, но сумма, перечисленная на их имя из ее личной казны, оставалась в обращении «с тем, что если в течение года исправятся, они еще им воспользоваться могут, в противном случае вовсе лишатся». Приговор в отношении двух главных нарушителей императрица смягчила. Она обратила внимание, что преступлений они не совершали (в солдаты обычно отправляли взрослых питомцев дома, совершивших серьезные правонарушения). Их велено было отправить «в черную работу», а затем поступить с ними по общим правилам. Они лишались денежных награждений, но в случае исправления могли воспользоваться «попечением об них воспитательного дома»¹⁵. Через год провинившиеся «в поведении исправились». Их устроили «в число канцелярских служителей» на Петербургский почтамт. Императрица распорядилась одеть их за счет Дома, внести на имя каждого из них по 150 руб. в сохранную казну. В сентябре 1828 г. Г. Григорьев представил требуемые документы и получил свой капитал¹⁶.

Гатчинских выпускников, как и павловских, определяли садовыми подмастерьями в императорские и казенные сады. Пять выпускников 1821 г. были отправлены на службу в города, далекие от обеих столиц. Для их трудоустройства статс-секретарь императрицы Г. И. Вилламов обратился к министру внутренних дел В. П. Кочубею. Министр со-

общил, что в его ведомстве находятся два училища садоводства — Полтавское и Пензенское, в которых обучались воспитанники губернских воспитательных домов Приказов общественного призрения. Министр считал, что «опытные и способные подмастерья могут быть там с пользой употреблены». Им полагалось жалованье по 150 руб. в год с квартирой, столом, одеждой и обувью. Жалованье могло увеличиваться «по способности и усердию». Прослужив определенный срок, подмастерья могли увольняться и получали право записываться в «садовнический цех», вступить в частную и казенную службу или заводить собственные сады. Отличившихся дурным поведением разрешалось увольнять¹⁷.

Трое выпускников — Яков Григорьев, Данила Семенов и Иван Петров — отправились в Полтаву, а двое — Семен Самсонов и Гаврила Григорьев — в Пензу. Через два года Малороссийский военный губернатор известил опекунский совет, что в Полтавском училище подмастерья из питомцев предаются «пьянству, своевольству и другим худым поступкам, развращая и малолетних учеников». Он просил у опекунского совета разрешения на отдачу их в солдаты. «Мы истинно не имеем права отсылать их в военное ведомство, ибо они исключены из списков воспитательных домов», — отвечали почетные опекуны, добавив, что совет просил известить его, если кто-либо из воспитанников оставит место ранее назначенного им 6-летнего срока, только для контроля над тем, как выпускники выполняют свои обязанности. Министерство вправе было поступать с нарушителями по своему усмотрению. Дальнейшую судьбу полтавских садовников из питомцев дома выяснить пока не удалось¹⁸.

В отличие от них, садовники, посланные в Пензу, работали добросовестно, но на новом месте не прижились и рвались обратно в столицу. В начале 1824 г. С. Самсонов подал прошение об увольнении. Он сообщил, что умерла его мать, оставившая «после себя малолетних детей, его братьев и сестер», однако никаких данных о матери С. Самсонова ни в Петербурге, ни в Гатчине обнаружено не было. Бывший питомец мог и присочинить, чтобы вернуться в Петербург. В июне 1825 г. оба садовника вновь «обнаружили желание оставить училище», но им приказали прослужить не меньше 6 лет. Напомним, что в отношении первых выпускников училища, служивших под Петербургом, это правило соблюдалось не столь скрупулезно. Кстати, пензенский губернатор сообщал, что оба молодых человека «в искусстве своем оказывают достаточные успехи, особенно Самсонов, с лучшими способностями, усовершенствовав себя в знаниях, со временем мог быть хорошим и полезным садовником»¹⁹.

Еще через год, в июне 1826 г., Г. Григорьев подал новое прошение об увольнении по причине «слабого сложения». Губернатор просил исходатайствовать разрешение на его увольнение у Марии Федоровны. Императрица согласилась. В аттестате, выданном Г. Григорьеву, сообщалось, что он прослужил садовым подмастерьем 5 лет и 7 месяцев и «сверх ревностного постоянного исполнения своей обязанности и хорошего поведения, он еще споспешествовал к образованию учеников»²⁰.

Четверо выпускников 1823 г. были направлены в Павловск. Один из них — С. Савватиев — 2 года прослужил «при оранжерее города Павловска», а в 1825 г. с разрешения императрицы был уволен «для поступления в партикулярную службу» к петербургскому купцу Ивану Мичурину. В 1826 г. его задержали в Нарве «с лошадью и дрожками по сомнению к продаже». Как решилось дело Савватиева в 1826 г., неизвестно, но 3 года спустя он решил постричься в монахи в Троице-Сергиевой лавре²¹. Таким образом, 6-летний срок императрица выдерживала не всегда и легко разрешала переход на службу к частным лицам.

Выпускников направляли к частным лицам и, так сказать, «по распределению». В ноябре 1826 г. Никита Ларионов и Иван Ильин были определены «на парти-

кулярные места садовниками Псковской губернии в Опочецком уезде у помещиков Пешурова и Валуева с жалованьем по 400 руб. в год и господским столом». С. Н. Ларионовым опекунскому совету пришлось встретиться еще раз, уже в середине XIX в. В августе 1850 г. он подал в суд прошение об утрате вечноувольнительного свидетельства (этот документ заменял питомцам паспорт и подтверждал, что они принадлежат к свободным людям). Дело о выдаче копии затянулось, и в апреле 1853 г. Н. Ларионов попал под следствие за изготовление фальшивых документов. Неясно, добрался ли он до помещика Пешурова, но с 1827 г. четыре года прожил в Пензенской губернии, «потом в разных местах, где год, где два» и, наконец, оказался в Петергофском уезде «на мызе Сумине, занимался в вотчинной конторе письменною частию». Копия свидетельства Н. Ларионова была отправлена в казенную палату для приписки в какое-либо сословие²². В марте 1827 г. Спиридон Степанов отправился в Великолуцкий уезд Псковской губернии в имение помещика Аннинского. Ему обещали 300 руб. в год, «квартиру, дрова, свечи и собственный стол»²³.

В декабре 1826 г. окончивший училище Петр Александров отправился в Бобруйскую крепость. Ему полагалось жалованье 600 руб. в год «с казенной квартирой, дровами и свечами». Инженерный департамент Военного министерства предупредил, что «онъй не может быть принят вовсе на службу, а останется в Бобруйске только до приобучения садоводству приставленных к сему от казны людей, и по миновании в нем надобности будет отпущен с надлежащим аттестатом»²⁴.

Обнаружены и краткие сведения о судьбах питомцев, окончивших Гатчинское училище практического садоводства в 1827–1835 гг. За эти годы были выпущены 25 человек.

13 из них были направлены на службу в императорский Ботанический сад, 3 выпускника попали на частную службу, один поступил садовым учеником в Гатчинский сад, один был оставлен в самом училище, одного отправили в Тифлисский образцовый сад, еще одного – в гатчинскую городскую аптеку. Три воспитанника после окончания училища, надо полагать, не работали по специальности: один из них учился в Академии художеств, другой поступил «к вольному мастеру», третий вернулся к отцу. Большинство учеников первого периода заканчивали курс в течение 2 лет, однако некоторые из них провели в училище до 4 с половиной лет²⁵.

В 1837 г. Николай I подписал указ, по которому всех питомцев воспитательных домов неизвестного происхождения полагалось отправлять на воспитание в деревню. Возвращать таких детей в город для получения образования запрещалось. Однако из этого правила император сделал некоторые исключения. К примеру, деревенских питомцев разрешалось помещать в фельдшерские школы. Сведений об их отправке в Гатчинское училище практического садоводства пока не найдено, но, скорее всего, комплект учащихся в 1840–1850-х гг. формировался именно из них. В октябре 1846 г. правление 3-го округа путей сообщения попросило уведомить его о правах воспитанников училища, 5 выпускников которого были направлены на службу в ведомство путей сообщения. Из канцелярии опекунского совета сообщили, что им по-прежнему полагалось прослужить не менее 6 лет. Затем они могли выбрать другую казенную службу или «избрать образ жизни податного состояния».

15 сентября 1861 г. Петербургский опекунский совет направил Александру II «всеподданнейший доклад». Изложив краткую историю Гатчинского училища, опекуны сообщили императору, что его выпускники «до 1859 г. распределяемы были Гатчинским дворцовым правлением на службу в дворцовые и другие казенные сады на штатные вакансии, а с того года, за неимением свободных мест, они стали поступать на места сверх штата; в текущем же году для 8 воспитанников, выпущенных

из училища, Дворцовое правление вовсе не могло приискать мест ни при казенных, ни при дворцовых садах». К тому же, сумма, выделяемая на его содержание, не изменилась с 1819 г., а «с того времени потребности продовольствия вздорожали», поэтому опекуны, по ходатайству Гатчинского дворцового правления, выступили с предложением об упразднении училища. Император утвердил доклад, и в декабре 1861 г. Гатчинское училище практического садоводства было закрыто. Воспитательный дом должен был трудоустроить его учеников «сообразно их способностям», а имущество предписано было продать с аукциона²⁶. В начале царствования Александра II по разным причинам были закрыты многие заведения, созданные Марией Федоровной для питомцев воспитательных домов. Связанная с ее именем страница в полной мере стала их историей.

Павловское и Гатчинское училища подготовили несколько десятков квалифицированных садовников из питомцев воспитательных домов, создали базу для определения на казенную службу тем из выпускников, которые не пожелали связать свою жизнь с садоводством. Образованным специалистам по «высшей ботанике» применения не нашлось, и императрица закрыла Павловское училище. В результате изменения положения воспитанников учебные заведения, способствовавшие повышению их социального статуса, сделались ненужными.

Примечания

1. РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 223. Л. 1–1об.
2. Монографии учреждений ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 216–217.
3. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 54. Л. 2, 5, 58.
4. Там же. Оп. 20. Д. 314. Л. 2–8, 29–71; оп. 10. Д. 54. Л. 14; д. 59. Л. 3.
5. Там же. Оп. 10. Д. 59. Л. 1, 6 об., 9 об., 61г–61г об.; Монографии... С. 217.
6. Там же. Оп. 10. Д. 54. Л. 59 об.
7. Там же. Оп. 10. Д. 54. Л. 13–13 об.; оп. 20. Д. 314. Л. 23–23 об.
8. Там же. Л. 18–55, 58, 77, 82, 103–122.
9. Там же. Д. 54. Л. 16–17, 28.
10. Там же. Л. 56–57, 68–69, 71б–71б об–76 об.
11. Там же. Оп. 20. Д. 314. Л. 74.
12. Монографии... С. 217.
13. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 77. Л. 44, 52.
14. Там же. Д. 59. Л. 6–7 об, 23–24, 64–64 об., 66, 116; Ф. 759. Оп. 32. Д. 77. Л. 32.
15. Там же. Д. 59. Л. 9–11 об.
16. Там же. Л. 173–173 об.
17. Там же. Л. 13–14.
18. Там же. Л. 81–84.
19. Там же. Л. 111–115.
20. Там же. Л. 159–163, 171 об.–172.
21. Там же. Л. 60, 61а–61в, 63, 68–76.
22. Там же. Л. 130–135, 141–142, 179, 182–183, 195–195 об., 202–202 об.
23. Там же. Л. 149–153, 155, 158.
24. Там же. Л. 139–140, 143–146, 154–154 об.
25. РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 77. Л. 1–1об.
26. Там же. Ф. 759. Оп. 32. Д. 223. Л. 1–6 об.